

Под сенью бабушек в цвету

Тюменский театр драмы и комедии в Москве

Кузнецкий. — 2000. —
29 июля — 5 июля. — С. 9

По нынешней жизни экзотичен сам факт: впервые за 25 лет олдидный театр пришел в столицу аж с самым спектакулярным показом каждый дважды. И ни одной пьесы про удовольствие "умывать нефть из фонтана" (из семи названий шесть зарубежные). Тюменцы привезли то что сами захотели, что им нравится играть, а их публика не успеет смотреть.

Гастроль организованы на редкость грамотно. В фойе театра побратима (у вахтанговцев спонсоры — тоже нефтяники "Сургутнефтегаз") сибиряки предвдвляли реквизит своих спонсоров, главный из которых — Тюменская нефтяная компания. Все поддерживающие театр организационно, поименованы на программах наряду с патронном гастролью — губернатором Тюмен-

ского края Л.Рокеевичем, лично явившимся на старквие. Наконец была развернута выставка мировых картин фантазии главного художника театра Алексея Паненкова, чье творчество, скажем так, стало открытием.

Начали все-таки с русской классики. Турганевского "Нахлебника" поставил главный режиссер театра Алексей Ларичев, а оформил Алексей Паненков.

Художник увлек обилием метафор, а режиссер — готовностью умереть в сцене. Точное уварение осеннего сада, гербарий из застывших бабочек, цветов и фотографий застывший врасплох усадельный быт — все слышится в потоке жизни, уже уходящей, но еще живущей памятью о прошедшем. Среди действия решена и раз-

работана подробно и точно по intentions театр расказывает лирико-драматическую новеллу о несостоявшемся и невозможном счастье.

Главные фигуры определены сразу. Это Кузюкин, сыгранный Вениамином Пановым не столько забытым, сколько угасающим добровольно, хотя и нашедшим силы отказаться от "платы за страсть". Вторая героиня сюжета — Ольга Елецкая, в характере которой Марина Слепнева обнаружила не только изящество и тонкость, но и странную холодность "дистанцию" воспитанного человека, интуитивно стремящегося избежать опасных переживаний.

Другие исполнители, пожалуй, излишне увлеклись повременской характерностью, что сказалось на радости игры. Тюменские артисты

вообще любят на сцене покрывать, пощипать руками, раскрывают фразы, что-то друг другу доказывая. Особенно очевидно это в "мирокрестовале" зарубежной пьесы, случившемся на гастрольях.

"Одержима любовью", "Мирандолина" и "Дама с камелиями" выглядят трилогией про искусство быть женщиной и про то, какова цена одержимости игрой живыми чувствами. Герои Кроммелинка и Голдони (обе пьесы поставил лирикер режиссер В.Воробыев, а оформил художник А.Дубровин), кажется, заиграли в страсти, заупалились в словах и интригах. И нет разницы, дидактические это пассажи "Мирандолы" или виртуозное кружево слов "Одержима любовью" (москвичи театралы знают эту пьесу под названием

"Идея господина Дюма"). Изюминкой изюзиленной сюжет Кроммелинка (вдова-нифтоманка после смерти мужа начинает испытывать к нему, ровности, уважения существование любовницы) режиссером превращен в черную комедию про одержимость лицемерием и демагогией, от которых спасает, разумеется, истинное чувство. Спектакль в смыслеловых оттенках которого разобрать трудно, становится зрелищем маньеристски чувственным, где все танцуют, как ныне принято в хороших домах, танго Астора Пьяццолли и говорят о непонятном.

"Мирандолина", напротив, слишком перекружена игровыми комментариями (арлекинада, фехтование, крайне неожиданное и награсное панно).

Можно оценить темперамент, пластичность и блестящую дикцию Татьяны Пастовой (Леона в "Одержимой"), Мирандолына), хрупкое изящество Марины Слепневой (Фили, любовница покойника в "Одержимой"), природное чувство стиля Михаила Заева в роли Одилона, подосланного героиней к сопернице, но влюбившегося в нее, или остроуту характерных красок Сергея Кузьмина — Бургомистра в той же пьесе Кроммелинка.

Уважение вызывает и Владимир Орел (кавалер Риппфатта, замороченный невзводами чувств-вали вожака), и молодой артист Александр Плац, чья пластическая одержимость в придуманной роли Арлекина и остром характере Паоло из комедии Голдони уникальна. И все же знаковая пьеса и всеми любимая комедия кажется бесконечной и скучной.

Патетическая интонация "Дамы с камелиями", решенной А.Ларичевым и А.Паненковым как погребальный плач, куда органичнее Театр решил "пересказать оперу" (спектакль идет под музыку Верди, вполне доверяя, однако, логике автора пьесы А.Дюма-сына. Снова возникла многозначная сценическая среда, где преобладают мотивы тленности и увядания. Поросшие какой-то плесенью, комами песка и ржавчины элементы декора, кажется, сами источают "спадковатый запах мертвенности", отражающий болезненный стиль эпохи. Получился "жесткий романс", тягостный и горький.

В центре его Маргарита Готье Марины Слепневой — легкая, неуловимо изменчивая, живущая одним днем.

Два других спектакля — "Эквус" П.Шеффера и "Гарольд и Мод", К.Хилгинса и Ж.-К.Каррьеда — дуэт сюжетов об одиночестве юной души на пути нравственного становления ("Гарольд") или в трагическом тупике самообмана (Алан в "Эквусе").

Обе роли одновременно и страстно сыграны молодым лидером труппы Сергеем Осинцевым. Артист обладает чуждой и простодушной лирической энергией, живет на сцене с озорной свободой и в истории про пациента больницы, и в новелле о нечаянной любви юности к старухе.

В "Эквусе" снова поражает виртуозность фантазии художника А.Паненкова. Когда влех уходит рыветка больницы клеткой, освещенной лампами дневного света, взору открывается бело-голубая пустыня с фрагментами скульптур и руинами, занесенными ледом. Возникает тайный пейзаж большой души, загадочно-мрачный, но по своему красивый.

Жаль, однако, что, кроме молодого героя, возмущившего себя квантовым, квантовым божеством свободной воли, никто другой не проникается трагизмом ситуации. Правда, во многом виновата сама пьеса, дидактически перекрывающая азы психоанализа, что когда-то казалось откровением. Сегодня как-то неловко смотреть на зрелого мужчину — профессионального похитера (Геннадий Баширов) который, запылав руки, слово оперный баритон, патетически выкрикивает фрейдистские банальности.

Судя по всему, режиссер А.Ларичев вообще склонен к умеренным конструкциям. Он, как инженер, чувствует их красоту и стройность. Так, пять лет назад поставленный "Гарольд и Мод", увес, с художником А.Дубровиным, чьи решения крайне однозначны, выглядят попыткой балансировать между стилистичностью и материальностью в пьесе, где тоже много умозрительных построений.

К приключению дуэта героев (Гарольд — Сергей Осинцев, Мод — Антонина Колчиниченко) трудно пройти сквозь фальшивую стрельбу, визг пугливой девицы по ее поводу, необаятельные фокусы и трюки вроде искусственных цве-

тов, падающих на сцену с колонокной и возникающих в небе.

Сергей Осинцев трагичен в обзоре юности, ще инфантильное безстрашие призывает уже понаучив бедуюню издать в смерть Гариона Антонины Колчиниченко, напротив, на пороге смерти упоена творческим проживанием каждого мгновения жизни. Опытная актриса играет здорово, но в ее "психологической" форме чуждой Шарлотты, чем более уместной здесь Равенской.

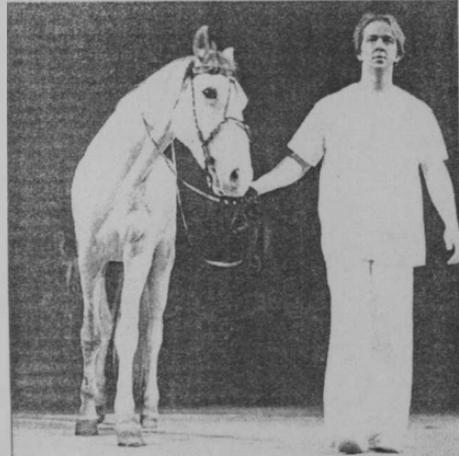
Самым гармоничным и глубоким по мысли оказался "Продавец дождя" Р.Низа, написанный в тонах Чехова и О'Нила, где много резонирует русской душе мечты людей о счастье, их жажда верить и не терять веру.

Независимым образ дома-кожегана, выброшенного в засуху (художник А.Паненков). Актрвы тонко чувствуют лирико-романтическую интонацию поэтики, не лишая при этом своих героев психологической определенности. Они играют в истинном ансамбле, дорожа друг другом и роскошью человеческого общения.

Геннадий Баширов в роли загадочного Вилла Старбакка, торгующего дождем и дарующего надежду, ироничен и изгиден. Файл Вла димира Орла не менее мужествен А.Ной — Андрей Воложенко оказывается способен к финалу избавиться от своего угнетающего веса занудства. Зато юному Джиму (Сергей Осинцев) и его сестре Лизи (Марина Слепнева) удается сохранить душевную чистоту, остаться верными природе. Но воды повода, хлынувшего в финале прямо из земных недр, радуют их не меньше, чем других героев этой мудрой истории.

Гастроль Тюменского театра показала и нас с труппой невротичной, активно развивающейся по своему упорной и знающей цену театральным эффектам.

Александр ИНЫХИН

Слева: сцена из спектакля "Эквус". Справа: сцена из спектакля "Одержима любовью"

Фот. Ю. СТЕПАНОВА